

Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00012 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 138–155.

УДК 342.7

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00012

ПОПУЛИСТСКИЙ КОНЦЕПТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Виктор Николаевич Руденко

доктор юридических наук, профессор,
академик РАН, главный научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: rudenkovn@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1802-2198

SPIN-код: 2836-8813

*Статья поступила 10.10.2019, принята к печати 16.11.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье раскрывается содержание современного кризиса согласительных политических систем и вызванного им роста популизма. Кризис согласительных политических систем, как полагает автор, во многом обусловлен следующими факторами: элитарным характером современной демократии; утратой традиционными политическими партиями функции представительства интересов; трансформацией социальной структуры общества, в частности появлением прекариата и других социальных групп с незащищенными правами. Эти процессы он связывает с доминированием в последние десятилетия такого типа рациональности, как неолиберализм, и утверждает, что неолиберальная политика способствовала разрушению основ либеральной демократии и становлению популистского сценария защиты прав граждан. В работе обозначены основные контуры этого сценария: смещение акцента с универсальной концепции защиты прав человека на партикуляристский концепт защиты прав «народа»; ограничение прав социальных групп, не охватываемых понятием «народ»; демократический экстремизм и авторитаризм. В связи с ростом популистской угрозы, по мнению автора, назрела необходимость выработки механизма согласования интересов всех социальных групп, а также общества и государства в меняющемся политико-правовом пространстве.

Ключевые слова: согласительные политические системы, либеральная демократия, неолиберализм, популизм, права человека, «народ», «права народа», антиэлитизм, этнический национализм, политический эгоцентризм, демократический экстремизм, авторитаризм.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

Сложившийся к концу прошлого века мировой порядок включает в качестве основных типов мобилизационные и согласительные политические системы (Эндрейн 2000). Мобилизационные системы характерны, главным образом, для обществ с авторитарным политическим режимом. Что касается демократических стран, то их политические системы основаны на механизмах согласования интересов всех ключевых акторов политического действия, прежде всего через политические партии. Системы второго типа вследствие развития плюрализма нуждаются в институтах, предназначенных для улаживания конфликтов. Чарльз Ф. Эндрейн характеризует согласительные системы следующим образом: участники политического процесса в лице разнообразных правительственных учреждений, независимых от государства групп влияния и коалиционных политических партий для достижения целей, отвечающих интересам всего общества, вступают в сделки, образуют объединения, выполняют роль посредников в конфликтах интересов. Они опираются на общность моральных ценностей, доверие и консенсус, возлагая на себя договорные обязательства. Улаживанию разногласий между различными группами общества способствуют независимые суды, представительные учреждения, общеобразовательные школы и др. Все эти институты содействуют осознанию необходимости сотрудничества для достижения общего блага (Эндрейн 2000: 70).

Согласительные политические системы базируются на ценностях либеральной демократии, таких как свобода и равенство, верховенство права, толерантность, уважение достоинства и признание приоритета человеческой личности. Поэтому им имманентна универсальная концепция прав человека, на которой основано международное и европейское право. На этом неоднократно акцентируется внимание, в частности, в Венской декларации и Программе действий от 25 июня 1993 г., принятой Всемирной конференцией по правам человека (Венская декларация...). Согласно данному документу универсальность прав и свобод человека «носит бесспорный характер» (п. 1). Участники конференции выразили единое мнение о том, что «процесс поощрения и защиты прав человека и основных свобод на национальном и международном уровнях должен носить универсальный характер и осуществляться без каких-либо условий» (п. 8). В связи с этим они обратили внимание «на важность обеспечения универсальности, объективности и неизбирательности при рассмотрении вопросов прав человека» (п. 32). Обозначенная в Венской декларации и Программе действий позиция непосредственно коррелирует с Всеобщей декларацией прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (Всеобщая декларация...). В преамбуле этого акта международного права подчеркнута необходимость всеобщего понимания прав и свобод человека. В развитие вышеупомянутых документов на основе универсальной концепции прав человека разрабатываются и закрепляются нормы европейского права. Так, в преамбуле Европейской конвенции по правам человека (Европейская конвенция...) заявлено о необходимости всеобщего и эффективного признания и осуществления провозглашенных в ней прав. Это ключевое положение Европейской

конвенции по правам человека реализуется в национальных правовых системах европейских государств членом Совета Европы.

Следует отметить, что согласительные политические системы со свойственным им универсальным подходом к защите прав человека достаточно успешно функционировали в странах Западной Европы, в США, Канаде, Австралии, Японии и других демократических странах в течение всего послевоенного времени. Однако с конца прошлого столетия в США и Европе они переживают кризисное состояние, что во многом обусловлено укоренившимися представлениями о механизме функционирования либеральной демократии, а также распространением идей неолиберализма. Этот кризис с неизбежностью отразился на системе защиты прав человека.

Кризис согласительных политических систем: предпосылки и последствия. Кризис согласительных политических систем в значительной мере спровоцирован доминирующими подходами к организации механизма представительства интересов, основанными на теории элитарной демократии. Как известно, эта теория получила развитие в трудах Й.А. Шумпетера, Ф.А. Хайека, К. Поппера и других мыслителей XX столетия (Шумпетер 1995; Хайек 1992; Поппер 1992). В контексте теории элитарной демократии представительство интересов не предполагает активного участия граждан в принятии публично-властных решений. Согласно этим установкам демократия есть форма правления, обеспечивающая состязание политических элит за голоса избирателей. Итог борьбы олицетворяет мандат, уполномочивающий выборные органы власти на принятие подавляющего большинства важнейших публично-властных решений. Таким образом, граждане задействованы в механизме согласования интересов посредством голосований, главным образом, по кадровым вопросам – они голосуют «за» или «против» кандидатов на замещение публичных должностей. Как правило, возможности их выбора ограничены двумя-тремя элитарными группами. Причем граждане не участвуют непосредственно в управлении делами государства. Редким исключением являются референдумы и другие виды голосований. Проводниками интересов граждан при таком порядке согласования интересов традиционно выступали политические партии. Следует отметить, что в соответствии с либерально-демократическими и неолиберальными установками предполагалось, что приверженность демократическим ценностям и идеалам, подобно рыночным отношениям, автоматически обеспечивает дальнейшее эффективное функционирование демократической политической системы.

Между тем с конца прошлого века политические партии утратили свои традиционные функции представительства интересов определенных слоев общества. Одной из причин тому ирландский политолог Питер Майр полагает отстранение граждан от конвенциональных форм политического участия (Майр 2019: 66). Как свидетельствуют проведенные исследования, в отличие, например, от 70-х гг. прошлого столетия, в настоящее время граждане постепенно утрачивают интерес к традиционным политическим партиям, поскольку в повседневной политической жизни им отводится роль зрителей. Вследствие этого прежняя представительная демократия, осно-

ванная на взаимодействии партий со своими сторонниками, обрела форму так называемой *аудиторной демократии* с отдельно существующими миром партий и политических лидеров и миром граждан (Майр 2019: 69). В подобной ситуации граждане-зрители оказываются востребованными только накануне голосований. При аудиторной демократии партии фактически представляют собой избирательные проекты, призванные обеспечить мобилизацию голосов децентрализованной массы избирателей, не связанных с ними. Подтверждением тому является волатильность избирателей. Как указывает Питер Майр, по всей Западной Европе граждане, если они не воздерживаются от участия в выборах, голосуют, изменяя свои устойчивые партийные предпочтения, что позволяет зафиксировать здесь процесс политического отстранения (Майр 2019: 58).

Более того, традиционные политические партии пошли по пути сращивания с государственной бюрократией, стремясь к тому, чтобы управлять, а не представлять интересы избирателей. «В последние десятилетия XX века наблюдается постепенный переход партий от гражданского общества к правительству и государству, в результате чего партии дистанцировались от избирателей...», – отмечает Питер Майр (Майр 2019: 117). Так, партии перестали быть активными акторами согласительных политических систем, посредниками между властными институтами и гражданским обществом. Это положение усугубляется тем, что даже избираемые гражданами выборные лица, а также назначаемые после выборов должностные лица в настоящее время не подотчетны избирателям. Зачастую они преследуют корпоративные и личные, а не публичные интересы, что опять-таки вызывает недоверие граждан к политическим партиям.

Поэтому либерально-демократические системы вполне обоснованно подвергаются критике за их элитарный характер. Как показал американский историк и социальный критик Кристофер Лэш, централизованная государственная бюрократия, в частности в США, уже с середины 1990-х гг. начала стремительно обособляться от простых граждан, отказываясь признавать обоюдные обязанности между немногими избранными и массой. Она отделилась от общей жизни: переориентировавшись на частный сектор, прекратила пользоваться услугами государства. Сфера публичных услуг была исключена из центра ее внимания (Лэш 2002: 39-40). Руководствуясь тем, что демократия означает только либеральные установления, элита стала обходиться без любых значимых форм гражданского участия в политике. В итоге общество столкнулось с двойственностью норм и правил: одни – для элиты, другие – для граждан (Лэш 2002: 69-71). Данным заключениям созвучны наблюдения и выводы ряда европейских ученых.

Так, британским социологом Колином Краучем проанализирован происходящий в странах развитой демократии процесс образования замкнутого элитарного политического класса посредством сращивания политических кругов с бизнес-корпорациями и вследствие игнорирования ими концепции публичных услуг. По мере его углубления и развития простые граждане оказались отстранены от политики и потеряли все возможности для выражения своего протестного мнения в политическом действии.

Таким образом, политика была отнесена к прерогативе узких элит, тогда как граждане, пытающиеся вникать в процесс принятия публично-властных решений, стали восприниматься элитами как антидемократическая толпа (Крауч 2010: 130-131, 145).

Другой британский исследователь, оксфордский политолог Ларри Зидентоп, изучая демократию в Европе, приходит к выводу о низведении граждан до уровня простых потребителей услуг политической элиты, принимающей решения на свое усмотрение. В итоге даже в европейских демократических странах сложилась парадоксальная ситуация: демократия как *правление народа* подменяется *правлением для народа* (Зидентоп 2004: 159).

Происходящие процессы спровоцировали кризис согласительных политических систем, поскольку исключение гражданского общества из публичной политики означало отрицание единых для игроков ценностей, препятствовало достижению общего результата, нивелировало идею необходимости сотрудничества и достижения консенсуса, поставило под сомнение принцип верховенства закона и его единообразного исполнения всеми. Под вопросом оказалась целесообразность функционирования самой системы либеральной демократии в целом (Иноземцев 2004: XXIX).

С конца 1970-х – начала 1980-х гг. ситуация усугубилась тем, что в демократических обществах постепенно обозначилось превалирование нового типа рациональности – неолиберализма. С его становлением и развитием связаны сопутствующие кризисные явления внутри согласительных политических систем. Свойственное неолиберализму уподобление принципов организации социальных и политических систем экономическим рыночным отношениям нашло отражение в фундаментальных подходах к роли государства в жизни общества. Под влиянием неолиберализма на протяжении почти четырех десятилетий наблюдаются постепенное ослабление контроля государства за производством и движением капитала, отказ государства от регулирования социально-экономических процессов и свертывание процессов развития государства всеобщего благосостояния, ослабление социальной поддержки малообеспеченных и незащищенных слоев общества (Браун 2015: 23). Реализация неолиберальной политики повлекла за собой пересмотр отношения к человеку как политическому субъекту. Он стал восприниматься исключительно как индивидуалистичный субъект экономических отношений – *homo economicus*, участник непрерывного состязания за наращивание человеческого капитала, вовлеченного в рыночный оборот и мыслящего исключительно в специфических рыночных категориях (Мартьянов 2017). Тем самым неолиберальная политика способствовала выхолащиванию содержания таких категорий, как «народ», «демос», «общее благо», «социальная солидарность», утверждающих политический суверенитет граждан, что безусловно разрушает основы либеральной демократии (Браун 2015: 35-36) и сопутствующих им согласительных политических систем.

Более того, неолиберализм стимулировал рост социального неравенства и оформление новой стратификации общества (Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019: 119-191). Прямым его следствием можно считать увеличение доли проигравших от глобализации в условиях рыночной конкуренции,

своего рода «неудачников», затрудняющихся полноценно реализовать на рынке свой человеческий капитал. Неслучайно на рубеже XX–XXI столетий все отчетливее формируется новый социальный слой – прекариат (от лат. *precarius* – временный, преходящий)¹. Значительная часть общества в глобализирующемся мире подпадает под это понятие. Исследователи обычно причисляют к прекариату частично занятых работников, а также временно трудоустроенных женщин, молодых мужчин. К нему же относятся молодые работники в целом, часть студентов и мигрантов, творческие работники, фрилансеры, работники разных профессий, выполняющие работы и оказывающие услуги по краткосрочным договорам, безработные и др. (Standing 2011: 59–115). Для всех этих групп населения характерна неопределенность перспектив трудоустройства, карьерного роста, нестабильность финансового положения. У них отсутствуют социальные гарантии со стороны государства. Они, как правило, исключены из переговорного процесса и лишены других инструментов согласования интересов. Как следствие, они испытывают неуверенность в своем будущем.

Появление прекариата означало не только оформление новой, диффузной, социальной структуры, но и рост контингента недовольных своим положением граждан, которые почувствовали себя основными пострадавшими от неолиберальной политики (Мартьянов 2016). Таким образом, кризис согласительных политических систем достиг своего апогея. Постепенно он затронул и интересы других, более защищенных, социальных групп. Это связано с расширением Европейского союза в 2004 и 2007 гг. и необходимостью поддержки слабых экономик новых членов, с финансовыми проблемами внутри Европейского союза (финансовый кризис в Греции, Италии, Испании), миграционным кризисом 2015 г., с ростом террористической опасности и другими проблемами. В европейских странах стало расти недовольство населения сближением корпоративного и финансового капитала и государства. На повестке дня обозначился вопрос о способности государства выполнять публично значимые функции, в частности защищать права человека и гражданина. В связи с этим государственные институты оказались перед дилеммой: что важнее – права человека или безопасность? (Баум 2015). Как свидетельствует практика, сама политическая элита, столкнувшись с указанной дилеммой, проявила склонность пожертвовать частью прав человека и пойти по пути конструирования государства-надсмотрщика. Так, рост миграционных потоков в страны Западной Европы и всплеск терроризма в этих странах с начала 2000-х гг. спровоцировали (например, в Германии) принятие законов о безопасности. Эти законы ограничили такие фундаментальные права человека, как право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений, то есть права, относящиеся к наиболее важным естественным, личным правам человека. Более того, желание государства

¹ О прекариате как единственном или главном следствии неолиберализма см.: (Sanders 2017; Standing 2011: 59–89).

контролировать все потоки информации и предотвращать потенциальные угрозы породило весьма серьезную проблему: под удар попали не только демократические права и свободы, но даже и основы конституционного строя. Превентивное государство (*preventive state*), стремящееся предотвратить угрозы путем тотального контроля над частной жизнью, в перспективе может перерасти в государство-надзиратель (*supervisory state*) (Баум 2015: 1-20), что противоречит самим основам демократического устройства и современным представлениям о правах человека.

Всплеск популизма. Таким образом, ранее стабильные согласительные политические системы были ввергнуты в полосу глубокого кризиса, создавшего благодатную почву для современного европейского популизма. Как это ни парадоксально, но предпосылки популизма были спровоцированы самой либерально-демократической системой в ее неолиберальном варианте. Раскол между элитой и гражданским обществом явился препятствием для согласования интересов, достижения общих целей на основе единых ценностей. Фактическое отстранение граждан от политического процесса и сращивание политических партий с государством, слабость этих партий способствовали образованию пустоты, которую немедленно заполнил популизм. «Исследователи показали, что популизм усиливается там, где партийные системы слабы», – верно отмечает профессор Принстонского университета Ян Вернер Мюллер (Мюллер 2018: 108). Отвергнутый политическими элитами электорат стал объектом пристального внимания лево- и право-радикальных партий, не вписывающихся в традиционную партийную систему. Данный процесс совпал с существенной трансформацией социальной стратификации и утратой гражданами жизненных, в том числе социально-политических, ориентиров, что не было оценено должным образом традиционными партиями. Тем самым сформировалась социальная база популизма. Помимо прекариата наиболее восприимчивыми к популизму оказался бывший левый электорат в лице рабочих и фермеров. Вместе с прекариатом эти группы населения наиболее пострадали от неолиберальной политики и фактически были преданы левыми партиями (Белинский 2017: 8). Опору популизм нашел и в достаточно благополучном среднем классе, часть которого испытывает тревогу в связи с нерешенностью миграционной проблемы, терроризмом, угрозой потери работы. Популизм получил поддержку также со стороны радикалов, традиционно не входящих в биполярную партийную систему. Склонность к популизму проявляет, наконец, незначительная часть истеблишмента, негативно относящаяся к политике правящих кругов, глобализации и к мигрантам (Белинский 2017: 8-9).

Все это обусловило оживление и резкий всплеск популизма как альтернативы концепции либеральной демократии. На протяжении нескольких последних лет лево- и правопопулистские партии не только громко заявили о себе, но и достигли внушительных результатов на выборах. Широко известны успехи популистских партий в государствах членах Европейского союза в период с 2015 по 2018 г. (Мертес 2018: 64-65). Особенно это касается правопопулистских партий. Стремительное освоение популистами полити-

ческих институтов государств – членов ЕС и наднациональных институтов Европейского союза несколько ослабло по мере разрешения миграционного кризиса, о чем свидетельствует поражение леворадикальной партии СИРИЗА на парламентских выборах в Греции, прошедших 7 июля 2019 г. Однако выборы в Европейский парламент, состоявшиеся 23–26 мая 2019 г., показали, что популистские партии нарастили свое присутствие в этом органе, получив 29% мест (Rankin 2019; 2019 European... 2019; Bickertone 2019; Karnitschnig 2019).

Как видно из приведенного выше далеко не исчерпывающего списка источников по проблемам популизма в Европе, сегодня феномену популизма уделяется достаточно пристальное внимание исследователей. Большинство из авторов едино в том, что сам по себе популизм не является ни партийным движением, ни идеологией, ни программой действий. В связи с этим крайне затруднено его определение. Безусловно можно утверждать лишь то, что популизм выражает общую для современного либерально-консервативно-социалистического идеологического консенсуса установку на допустимость и необходимость вмешательства государства в политическую и экономическую жизнь ради достижения общего блага (Фишман 2017). Применительно к проблематике прав человека по этой причине сложно выявить достаточно рафинированную концепцию популистской правозащитной деятельности, которая может рассматриваться в качестве альтернативы либерально-демократической концепции защиты прав человека. Однако это возможно, хотя бы в общих чертах. В данной работе популизм рассматривается как интенция отдельных политиков, политических партий и движений – своего рода коммуникативное намерение выступать от имени народа, декларировать защиту его прав с целью завоевания политического лидерства. Эта интенция проявляется в партийных программных документах, выступлениях политических лидеров и в политических акциях. Несмотря на впечатляющий массив литературы по популизму, нельзя сказать, что в ней в достаточной степени проанализированы и теоретически осмыслены популистские представления о правозащитной деятельности. В связи с этим ниже сосредоточимся на общих основаниях популистского проекта защиты прав человека.

Популистский концепт защиты прав человека – «защита прав и интересов народа». Популистские партии и их лидеры исходят из посыла, по которой основным носителем прав и свобод является народ. Традиционно они выступают от народа, воспринимаемого как единое целое. Европейские страны в этом плане не исключение. Как показал в своем исследовании Ян Вернер Мюллер, в принципе «не бывает популизма без обращения от имени народа как целого» (Мюллер 2018: 39). При этом ни в программах популистских партий, ни в выступлениях их лидеров представления о народе практически никогда четко не конкретизируются. Но в популистской риторике достаточно явно прослеживается опасный для правозащитной деятельности тренд: представление о народе как основном носителе прав и свобод есть результат дихотомического разделения общества на две части. Народ – воображаемая конструкция,

продукт интуитивного дуалистического восприятия действительности, основу которого составляют бинарные оппозиции «большинство и морально деградировавшая элита», «простые граждане и коррумпированная бюрократия», «труженики и паразиты общества», «простые нуждающиеся люди и богатые», «нация, коренной народ и они», «мы и они» и т.п. Для выявления идентичности народа популисты часто используются такие маркеры, как «традиция», «обычай», «деревня», «регион», «нация», «этнос», «бедность», «христианство», «патриотизм» и др. Употребление данных маркеров способствует конкретизации содержания бинарных оппозиций. Исходя из этого вырабатывается особый правозащитный контент, особенностью которого являются представления о правах и свободах народа через отрицание прав и свобод лиц, не охватываемых понятием «народ». Таким образом оформляется особый правозащитный концепт, легитимирующий партикуляристский подход к правозащитной деятельности, который по своей сути является антитезой универсализму либерально-демократической концепции прав человека.

Обратим внимание на характеристики популизма, коррелирующие с ключевыми бинарными оппозициями, с помощью которых артикулируются популистские подходы к защите прав и свобод народа. К ним можно отнести *антиэлитизм*, *этнический национализм*, *политический эгоцентризм*.

Антиэлитизм. Для современного популизма свойственно обостренное противопоставление двух гомогенных групп — народа и элиты, что вписывается в контекст общей критики недостатков либеральной демократии. Антиэлитизм сегодня становится синонимом популизма (Latne 2017). В то время как народ манифестируется в лице простых людей, элита, в частности с точки зрения леворадикальных партий, воспринимается в качестве высшего класса, обладающего богатством, сформированным путем несправедливого перераспределения общественных благ. Но противопоставление народа и элиты связано не только с экономическими факторами. Большое значение придается факторам политическим. В понимании популистов элита есть коррумпированный и, по выражению Мари Ле Пен, «некомпетентный политический класс» (Белинский 2018: 17). Он не способен решать назревшие в обществе проблемы, в том числе вопросы развития экономики, сокращения безработицы, обеспечения безопасности граждан. Доминирование политической элиты нередко трактуется популистами как тайный заговор, поддерживаемый крупным капиталом и связанными с ним средствами массовой информации (Белинский 2018: 17-20). Подобного рода обвинения адресованы и национальной элите в отдельно взятой стране, и евробюрократии. В соответствии с данной посылкой критике подвергаются коррумпированность и закрытость власти, а также основы представительной демократии, которая уже длительное время, по мнению ряда популистов, является обманом и декорацией.

Руководствуясь идеей антиэлитизма, популизм ставит в центр внимания экономические и социальные права «народа», в частности право на достойное социальное обеспечение, нередко связанное с ограничением прав «богатых» в виде дополнительного и существенного налогообложе-

ния имущества и прогрессивного налогообложения состоятельных лиц. Он фокусируется также на праве на надлежащее управление, обеспечиваемом открытостью власти и борьбой с коррупцией. Отдельно поднимается тема «демократизации демократии», то есть развития гражданского участия в политической жизни общества посредством использования сетевых ресурсов, реализации права на участие в референдуме и права на участие в управлении делами общества на базе такого эгалитарного института, как жребий. В частности, растущей поддержкой пользуются идеи австралийского философа Джона Бернхейма, обосновавшего тезис об организации демократической политической системы не на основе выборов, а с помощью жеребьевки (Burnheim 1985). Подобного рода предложения в последнее время популярны в среде ученых и политиков, занятых поиском путей оздоровления демократии (Van Reybrouck 2016). В то же время в современных исследованиях они квалифицируются в качестве «демократического экстремизма» (Lucardie 2014: 117-134).

Этнический национализм. Для популистской идентификации народа показательны терминологические нюансы в современном политическом языке Германии. Как показывает немецкий аналитик Микаэль Мертес, важным компонентом популизма в Германии является этнический национализм, который противопоставляется республиканской идее о том, что государство должно состоять из всех граждан. По его меткому наблюдению, в процессе объединения Германии демонстранты в восточной ее части в конце прошлого века скандировали лозунг «Мы – народ!» (*Wir sind das Volk!*), придавая слову *Volk* значение *demos*, то есть совокупность всех граждан. В последнее же время то же самое *das Volk* постоянно используется в лексике популистов, но в ином значении, а именно как *ethnos* – «коренной народ»; это «мы», которому противостоят «они» (Мертес 2018: 69). Аналогичные процессы наблюдаются в Австрии, Италии и в других европейских странах. Например, Австрийская партия свободы на разных этапах своего развития идентифицировала австрийский народ в качестве особой нации – или же немецкого народа. Основанием поиска идентичности в данном случае выступают культурные различия, такие как христианство, европейские корни и др. – в отличие от исламского вероисповедания и чужого – неевропейского – менталитета (Бадаева 2018: 61). Национальная идентичность заложена в основу политики коалиции «Лиги» и «Движения 5 звезд» в Италии (Валле 2019).

В интересующем нас плане этнический национализм означает защиту прав народа как национального большинства, противопоставляемого чужим. Чаще всего из «народа» исключаются мигранты, цыгане и евреи (Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018: 26). Популистские партии и движения в той или иной мере поддерживают требования об ограничении социальных, экономических и политических прав этих групп. Они отвергают идею мультикультурализма и культурного релятивизма (Яшлавский 2018; Антонов, Корнева 2017; Канинская 2018 и др.). Это часто граничит с откровенной ксенофобией. Если же популистские партии не выступают против чужих, защита прав «народа» видится в жестком отстаивании прав «истинных»

граждан – итальянцев, французов, фламандцев и т.п. – внутри национальных государств. При этом используется антиглобалистская и евроскептицистская риторика, сочетающаяся с отстаиванием проекта наделения национальных государств большими правами внутри Европейского союза либо с расширением прав регионов (Осколков 2017; Бирюков, Барсуков 2012). В период организации и проведения голосования по *Brexit* и некоторое время спустя получила популярность идея защиты прав граждан национальных государств через выход из состава Европейского союза (Бышок 2016).

Политический эгоцентризм. Помимо этнического национализма маркером, позволяющим отделить народ от не-народа или не подлинного народа, является политический эгоцентризм. Популисты категорически отвергают плюрализм: по их мнению, только они выступают истинными представителями народа. И соответственно их политические соперники – часть коррумпированной прослойки, а электорат, голосующий против популистских программ, не представляет собой «подлинного народа» (Мюллер 2018: 38–41)¹, то есть не институционализирован как народ. В то же время осознание недостаточной поддержки популистских партий со стороны электората заставляет популистов манипулировать понятием «молчаливого большинства»: они заявляют, что преимущественная часть граждан на стороне популистов, но эти граждане боятся выразить им поддержку и т.п. (Мюллер 2018: 46–47).

Популистский политический эгоцентризм в правозащитной деятельности проявляется в применении авторитарных методов защиты прав «народа». Как свидетельствует практика, популистские партии, находящиеся у власти, к примеру в Венгрии, охотно идут на ограничение деятельности СМИ, препятствуют работе неправительственных организаций, ущемляют права мигрантов².

Рассмотренный популистский концепт защиты прав и интересов народа предполагает реализацию, по сути, анти-либерально-демократической программы. В то время как в контексте либеральной демократии права человека суть правила, обеспечивающие защиту каждой отдельной личности от произвола власти, в популистской интерпретации категория «права человека» становится ненужной. «Сегодня мы становимся свидетелями того, как новое поколение популистов переворачивает эту парадигму с ног на голову. Претендуя на выражение „воли народа“, они начинают относиться к правам и свободам как к досадной помехе на пути реализации их видения воли большинства. Они воспринимают права человека как что-то ненужное, которое только мешает им защищать страну от угроз и напастей... Вместо того, чтобы принять концепцию прав человека для всех, они апеллируют к декларируемым интересам большинства...», – констатирует Кеннет

¹ «Подлинный народ» – выражение Найджела Фараджа, употребленное после подведения итогов референдума по *Brexit* (Мюллер 2018: 40).

² О тесной связи популизма и авторитаризма см.: (Pierzchalski, Rydliński 2017; Wobec chorých demokracji... 2017).

Roth (Roth 2016: 1). Тем самым популисты отвергают универсальность прав человека, а вместе с тем и либеральную концепцию общего блага, на достижение которого нацелены согласительные политические системы.

Возрастание значения популизма в современной Европе свидетельствует о глубоком кризисе согласительных политических систем, основанных на либеральных ценностях. Популистские сценарии защиты прав человека в условиях этого кризиса являются, по большей части, экстремистскими модернизационными проектами со смутными перспективами реализации. Издержки этих проектов в либерально-демократической парадигме обычно осмысляются как коррупционное перерождение или двойные стандарты (Руденко 2019: 24-51, 65-80). Но они зачастую обнажают реальные болевые проблемы современной либеральной демократии, такие как элитарность, недостаточная открытость власти, неспособность избавиться от коррупции и др. Поэтому распространение популизма должно стать стимулом для критической оценки состояния современной либеральной демократии, ее способности обеспечить защиту прав человека в Европе и в мире в целом в соответствии с актами международного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов А.Е., Корнева Л.Н. 2017. Право-популистские региональные движения в ФРГ // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4. С. 5-10.

Бадаева А.С. 2018. Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11, № 3. С. 53-68.

Баум Г. 2015. Спасти права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки / перевод с немецкого М. Голубковской. Москва : Сектор. 156 с.

Белинский А. 2017. Зреют «гроздь гнева»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. № 46 (62). С. 6-9.

Белинский А.В. 2018. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 14-36.

Бирюков С.В., Барсуков А.М. 2012. Барт де Вевер: к новому фламандскому национализму // Вопросы национализма. № 2. С. 42-48.

Браун В. 2015. Разрушая демократию: ре-конструирование государства и субъекта неолиберализмом / перевод В. Кораблевой // Топос. № 2-3. С. 11-40.

Бышок С. 2016. Брекзит и евроскептики Европейцы против Е.С. Москва : Книж. мир. 288 с.

Валле Р. 2019. «Демократия чуда». Итальянский популизм в исторической перспективе // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 121-140.

Зидентоп Л. 2004. Демократия в Европе / перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. Москва : Логос. 360 с.

Иноземцев В.Л. 2004. Демократия перед вызовом истории // Л. Зидентоп. Демократия в Европе. Москва : Логос. С. IX-XLVII.

Канинская Г.Н. 2018. Метаболизмы правового популизма во Франции XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11, № 3. С. 85-101.

Крауч К. 2010. Постдемократия / перевод с английского Н.В. Эдельмана. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 192 с.

Лэш К. 2002. Восстание элит и предательство демократии / перевод с английского Дж. Смита, К. Голубович. Москва : Логос ; Прогресс. 224 с.

Майр П. 2019. Управляя пустотой. Размывание западной демократии / перевод с английского Д. Маткиной и др. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 216 с.

Мартьянов В.С. 2016. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам // Социологические исследования. № 10. С. 139-148.

Мартьянов В.С. 2017. Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. № 2. С. 104-118.

Мертес М. 2018. Немецкий популизм в европейском контексте // Неприкосновенный запас. № 5. С. 62-75.

Мюллер Я.-В. 2018. Что такое популизм? / перевод с английского А. Архиповой. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 144 с.

Осколков П. 2017. Правый популизм в странах БЕНИЛЮКС в сравнительной перспективе // Современная Европа. № 5. С. 54-62.

Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. 2018. Европейский правый популизм и национализм : к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». № 3. С. 19-33.

Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. В 2 т. / перевод с английского под редакцией В.Н. Садовского. Москва : Феникс : Междунар. фонд «Культур. инициатива».

Руденко В.Н. (отв. ред.) 2019. Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / ответственный редактор В.Н. Руденко. Екатеринбург. 768 с.

Фишман Л.Г. 2017. Популизм – это надолго. DOI 10.17976/jpps/2017.03.04 // Политические исследования. № 3. С. 55-70.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с.

Хайек Ф.А. фон. 1992. Дорога к рабству: пер. с англ. / предисловие Н.Я. Петракова. Москва : Экономика. 176 с.

Шумпетер Й.А. 1995. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. / предисловие и общая редакция В.С. Автономова. Москва : Экономика. 540 с.

Эндрейн Ч.Ф. 2000. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / перевод с английского И. И. Мюрберг. Москва : Весь мир. 320 с.

Яшлавский А.Э. 2018. Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11, № 3. С. 230-244.

2019 European election results. URL: <https://election-results.eu/> (дата обращения: 15.07.2019).

Bickertone J. 2019. European Election Results: Populists Surge across Europe, Greens pick up votes. URL: <https://www.thelibertybeacon.com/european-election-results-populists-surge-across-europe-greens-pick-up-votes/> (дата размещения: 27.05.2019).

Burnheim J. 1985. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London : Polity Press. 205 p.

Karnitschnig M. 2019. Populist tide rises but fails to flood EU // Politico. May 27. URL: <https://www.politico.eu/article/populist-tide-rises-but-no-flood-eu-elections-2019/> (дата обращения: 15.07.2019).

Latne St. 2017. "Populism" is more accurately "anti-elitism" // Financial Times, October 17. URL: <https://www.ft.com/content/4c14127c-b261-11e7-a398-73d59db9e399> (дата обращения: 15.07.2019).

Lucardie P. 2014. Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People. London ; New York : Routledge : Taylor & Francis Group. 194 p.

Pierzchalski F., Rydliński B. (red.) 2017. Autorytarny populizm w XXI wieku. Krytyczna rekonstrukcja / Redakcja naukowa Filip Pierzchalski, Bartosz Rydliński. Warszawa : Friedrich-Ebert-Stiftung, Przedstawicielstwo w Polsce. 213 s.

Rankin J. 2019. Why populists could struggle to capitalise on EU elections success? URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/may/28/why-populists-could-struggle-to-capitalise-on-eu-elections-success> (дата обращения: 28.05.2019).

Roth K. 2017. The Dangerous Rise of Populism. Global Attacks on Human Rights Values. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/dangerous-rise-of-populism> (дата обращения: 15.07.2019).

Sanders St.C. 2017. Neoliberalism and the Emerging Precariat. 9 p. URL: <https://philpapers.org/rec/SANNAT-3> (дата обращения: 15.07.2019).

Standing G. 2011. The Precariat. The New Dangerous Class. London : New York : Bloomsbury Academic. 198 p.

Van Reybrouck D. 2016. Against Elections: The Case for Democracy. New York : Seven Stories Press. XVII, 200 p.

Wobec chorych demokracji w Europie. Zrozumieć strategie nieoliberalnych rządów, by skuteczniej się im opierać Studium przypadków: Chorwacja, Węgry, Polska i Serbia. Raport / Licencja: Creative Commons, Fundacja Human Rights House, Oslo (Norwegia) i Genewa (Szwajcaria) oraz Human Rights House w Zagrzebiu (Chorwacja), listopad 2017. URL: <https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/22910.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).

Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 15.07.2019).

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.07.2019).

Европейская конвенция по правам человека. Измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Viktor N. Rudenko, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: rudenkovn@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1802-2198
SPIN-код: 2836-8813

Article received 10.10.2019, accepted 10.11.2019, available online 13.01.2020

POPULIST CONCEPT FOR PROTECTING HUMAN RIGHTS IN THE CRISIS OF CONCILIATORY POLITICAL SYSTEMS

Abstract. The article reveals content of the modern crisis of the conciliatory political systems and the growth of populism caused by it. According to author's opinion, the crisis of the conciliatory political systems is determined by the following factors: the elitist character of the modern democracy; traditional political parties' loss of the interest's representation function; transformation of the social structure, in particular, the appearance of precariat and other social groups with unprotected rights. The author sees these processes in the context of the recent dominance of such type of rationality as neoliberalism. He shows how neoliberal politics contributed to the destruction of the foundations of liberal democracy, and the formation of a populist scenario of protecting the rights of citizens. He characterizes the main features of this scenario: anti-elitism, ethnic nationalism, and political egocentrism. The author argues that the disadvantage of such strategy is shifting the focus from the universal concept of protecting human rights to the particularistic concept of protecting the rights of "people"; restriction of the rights of social groups that do not correspond to the concept of "people"; democratic extremism and authoritarianism. In the author's opinion, and in connection with the growth of the populist threat, it is necessary to find ways to reconcile the interests of all social groups in modern society.

Keywords: rconciliatory political system; liberal democracy; neoliberalism; populism; human rights; "people"; "people's rights"; anti-elitism; ethnic nationalism; political egocentrism; democratic extremism; authoritarianism.

The article was prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant No. 18-011-00211 "Public consent in Russia: mechanisms of ideological and institutional regulation".

For citation: Rudenko V.N. *Populistskiy kontsept zashchity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitel'nykh politicheskikh sistem* [Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems], *Antinomii=Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 138-155. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00012. (in Russ.).

References

2019 European election results, available at: <https://election-results.eu/> (accessed July 15, 2019).

Andrain Ch.F. *Sravnitel'nyy analiz politicheskikh sistem. Effektivnost' osushchestvleniya politicheskogo kursa i sotsial'nye preobrazovaniya* [Comparative Political Systems: Policy Performance and Social Change], Moscow, Ves' mir, 2000, 320 p. (in Russ.).

Antonov A.E., Korneva L.N. *Pravo-populistskie regional'nye dvizheniya v FRG* [Right-Wing Populist Regional Movements in Germany], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 5-10. (in Russ.).

Badaeva A.S. *Avstriyskaya partiya svobody: mezhdru pravym populizmom, avstriyskim patriotizmom i nemetskim natsionalizmom* [Freedom Party of Austria: Between Right-Wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 53-68. (in Russ.).

Baum H. *Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost': polemicheskie zametki* [Save Human Rights. Freedom or Security: Polemical Notes], Moscow, Sektor, 2015, 156 p. (in Russ.).

Belinskiy A. *Zreyut «grozd'ya gneva»: vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noy demokratii* [Ripen "Grapes of Wrath": the Surge of Right-Wing Populism in Europe and the Crisis of Liberal Democracy], *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, 2017, no. 46 (62), pp. 6-9. (in Russ.).

Belinskiy A.V. «Vosstanie protiv elit»: vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoy Evrope [“The Revolt Against Elites”: Radical Right Populism Surge in Western Europe], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2018, no. 2, pp. 14-36. (in Russ.).

Bickertone J. *European Election Results: Populists Surge Across Europe, Greens pick up votes*, 2019, available at: <https://www.thelibertybeacon.com/european-election-results-populists-surge-across-europe-greens-pick-up-votes/> (accessed May 27, 2019).

Biryukov S.V., Barsukov A.M. *Bart de Veveer: k novomu flamandskomu natsionalizmu* [Bart De Wever: to the New Flemish-Nationalism], *Voprosy natsionalizma*, 2012, no. 2, pp. 42-48. (in Russ.).

Brown W. *Razrushaya demokratiyu: re-konstruirovaniye gosudarstva i sub"ekta neoliberalizmom* [Undoing Democracy: Neoliberalism's Remaking of State and Subject], *Topos*, 2015, no. 2-3, pp. 11-40. (in Russ.).

Burnheim J. *Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics*, London, Polity Press, 1985, 205 p.

Byshok S. *Brekzit i evroskeptiki Evropeytsy protiv E.S.* [Brexit and Eurosceptics. Europeans Against the EU], Moscow, Knizhnyy mir, 2016, 288 p. (in Russ.).

Crouch C. *Postdemokratiya* [Post-Democracy], Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly jekonomiki, 2010, 192 p. (in Russ.).

Evropeyskaya konventsiya po pravam cheloveka. Izmenennaya i dopolnennaya Protokolami № 11 i № 14 v soprovozhdenii Dopolnitel'nogo protokola i Protokolov № 4, 6, 7, 12, 13 i 16 [European Convention on Human Rights], available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (accessed July 15, 2019). (in Russ.).

Fishman L.G. *Populizm – eto nadolgo* [Populism Will Be Long Lasting], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 3, pp. 55-70. DOI 10.17976/jpps/2017.03.04. (in Russ.).

Fishman L.G., Mart'yanov V.S., Davydov D.A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019, 416 p. (in Russ.).

Hayek F.A. von. *Doroga k rabstvu* [Road to Slavery], Moscow, Ekonomika, 1992, 176 p. (in Russ.).

Inozemtsev V.L. *Demokratiya pred vyzovom istorii* [Democracy Before the Challenge of History], *L. Zidentop. Demokratiya v Evrope*, Moscow, Logos, 2004, pp. ix-xxvii. (in Russ.).

Kaninskaya G.N. *Metabolizmy pravovogo populizma vo Frantsii XXI veka* [The Metabolisms of the Right Populism in France of the 21st Century], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 85-101. (in Russ.).

Karnitschnig M. Populist Tide Rises but Fails to Flood EU, *Politico*, 2019, May 27, available at: <https://www.politico.eu/article/populist-tide-rises-but-no-flood-eu-elections-2019/> (accessed July 15, 2019).

Lasch Ch. *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The Revolt of the Elites: and the Betrayal of Democracy], Moscow, Logos, Progress, 2002, 224 p. (in Russ.).

Latne St. “Populism” is More Accurately “Anti-Elitism”, *Financial Times*, 2017, October 17, available at: <https://www.ft.com/content/4c14127c-b261-11e7-a398-73d59db9e399> (accessed July 15, 2019).

Lucardie P. *Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People*, London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2014, 194 p.

Mair P. *Upravlyaya pustotoy. Razmyvanie zapadnoy demokratii* [Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019, 216 p. (in Russ.).

Martianov V.S. *Politicheskie predely homo economicus* [Political Limits of Homo Economicus], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 2, pp. 104-118. (in Russ.).

Martianov V.S. *Sotsial'naya stratifikatsiya sovremennykh obshchestv: ot ekonomicheskikh klassov k rentnym gruppam* [Social Stratification of Contemporary Societies: From Economic Classes to Rent Groups], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 10, pp. 139-148. (in Russ.).

Mertes M. *Nemetskiy populizm v evropeyskom kontekste* [German Populism in the European Context], *Neprikosnovennyy zapas*, 2018, no. 5, pp. 62-75. (in Russ.).

Müller J.-W. *Chto takoe populizm?* [What is Populism?], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018, 144 p. (in Russ.).

Oskolkov P. *Pravyy populizm v stranakh BENILYuKS v sravnitel'noy perspektive* [Right-Wing Populism in the BENELUX Countries in a Comparative Perspective], *Sovremennaya Evropa*, 2017, no. 5, pp. 54-62. (in Russ.).

Oskolkov P.V., Tevdoy-Burmuli A.I. *Evropeyskiy pravyy populizm i natsionalizm : k voprosu o sootnoshenii funktsionala* [European Right-Wing Populism and Nationalism: Revisiting the Correlation of Features], *Vestnik Permskogo universiteta, Seriya «Politologiya»*, 2018, no. 3, pp. 19-33. (in Russ.).

Pierzchalski F., Rydliński B. (eds.) *Autorytarny populizm w XXI wieku. Krytyczna rekonstrukcja* [Authoritarian Populism in the Twenty-First Century. Critical Reconstruction], Warszawa, Friedrich-Ebert-Stiftung, Przedstawicielstwo w Polsce, 2017, 213 p. (in Polish).

Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t.* [The Open Society and Its Enemies, in 2 vols.], Moscow, Feniks, Mezhdunarodniy fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992. (in Russ.).

Rankin J. *Why populists could struggle to capitalise on EU elections success?*, 2019, available at: <https://www.theguardian.com/politics/2019/may/28/why-populists-could-struggle-to-capitalise-on-eu-elections-success> (accessed May 28, 2019).

Roth K. *The Dangerous Rise of Populism. Global Attacks on Human Rights Values*, 2017, available at: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/dangerous-rise-of-populism> (accessed July 15, 2019).

Rudenko V.N. (resp. ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsitsii : sb. tr. po itogam Tret'ey Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [The 3-rd All-Russian Scientific Conference With International Participation “Current Issues of Scientific Support for the State Anti-Corruption Policy in the Russian Federation”], Yekaterinburg, 2019, 768 p. (in Russ.).

Sanders St.C. *Neoliberalism and the Emerging Precariat*, 2017, 9 p., available at: <https://philpapers.org/rec/SANNAT-3> (accessed July 15, 2019).

Schumpeter J.A. *Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy], Moscow, Ekonomika, 1995, 540 p. (in Russ.).

Siedentop L. *Demokratiya v Evrope* [Democracy in Europe], Moscow, Logos, 2004, 360 p. (in Russ.).

Standing G. *The Precariat. The New Dangerous Class*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2011, 198 p.

Valle R. «*Demokratiya chuda*». *Ital'yanskiy populizm v istoricheskoy perspektive* [The “Democracy of the Miracle” Italian Populism Considered in a Historical Perspective], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2019, no. 2, pp. 121-140. (in Russ.).

Van Reybrouck D. *Against Elections: The Case for Democracy*, New York, Seven Stories Press, 2016, xvii, 200 p.

Venskaya deklaratsiya i Programma deystviy. Prinyata na Vsemirnoy konferentsii po pravam cheloveka, Vena, 25 iyunya 1993 goda [Vienna Declaration and Programme of Action (1993)], available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (accessed July 15, 2019). (in Russ.).

Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka. Prinyata rezolyutsiey 217 A (III) General'noy Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda [Universal Declaration of Human Rights], available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed July 15, 2019). (in Russ.).

Wobec chorych demokracji w Europie. Zrozumieć strategie nieliberalnych rządów, by skuteczniej się im opierać Studium przypadków: Chorwacja, Węgry, Polska i Serbia : Raport. Licencja Creative Commons, Fundacja Human Rights House, Oslo (Norwegia) i Genewa (Szwajcaria) oraz Human Rights House w Zagrzebiu (Chorwacja), listopad 2017 [Resisting ill democracy in Europe. Understand the strategies of illiberal governments to counter them more effectively: Croatia, Hungary, Poland, and Serbia. Report. Creative Commons. License: Human Rights House Foundation in Oslo (Norway) and Geneva (Switzerland) and Human Rights House in Zagreb (Croatia), November 2017], available at: <https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/22910.pdf> (accessed July 15, 2019). (in Polish).

Yashlavskii A.E. *Antiimmigrantskie partii Evropy: fal'start ili vtoroe dykhanie?* [Europe's Anti-immigrant Parties: False Start or Second Wind?], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 230-244. (in Russ.).